

УДК 343.1
ББК 67.408.142.6

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ДАЧИ ВЗЯТКИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Л.В. Лобанова

Статья посвящена дискуссионным вопросам квалификации фактов взяточничества, связанных с ошибочным представлением лиц, передающих предмет взятки, о некоторых существенных обстоятельствах совершения преступления. Автором предпринята попытка подобрать обобщающий «ключ» к решению целого ряда проблем подобного рода и сформулированы конкретные рекомендации по применению уголовного закона в отдельных сложных ситуациях.

Ключевые слова: взяточничество; дача взятки; содержание умысла взяткодателя; заблуждение взяткодателя; мнимое посредничество во взяточничестве.

Для правовой оценки действий лица, направленных на передачу ценностей должностному лицу, немаловажное значение имеет учет его психического отношения к содеянному. Важно помнить не только о том, что взяткодатель действует с так называемым прямым умыслом на совершение преступления, но и что его умысел имеет определенное содержание. Соответственно ошибки субъекта относительно законности получения должностным лицом имущественной выгоды, компетенции должностного лица, основания передачи ценностей, а также намерений должностного лица или его посредника, видимо, должны влиять на квалификацию содеянного лицом, таким своеобразным образом распоряжающимся своим имуществом или имуществом, которое находится в его ведении.

Но вот каким должно быть это влияние, по всей вероятности, ясно не всем практическим работникам и теоретикам. Оценка некоторых ситуаций, которые теперь можно считать типичными, до сих пор вызывает затруднения у практиков и дискуссии в науке. К таким ситуациям, в частности, относятся следующие случаи:

а) передача ценностей должностному лицу, не обладающему в действительности предполагаемыми у него полномочиями;

б) передача ценностей должностному лицу, которое на самом деле не намеревается выполнить обусловленные «взяткой» действия;

в) передача ценностей через так называемого мнимого посредника (лжепосредника).

Все эти случаи объединяет, по крайней мере, тот признак, что «взяткодатель» действует под влиянием мошеннического поведения другого лица. В отношении каждого из них встречается как минимум три варианта квалификации: 1) оценка деяния как непроступного ввиду отсутствия нарушенного объекта уголовно-правовой охраны; 2) оценка поведения субъекта как оконченной дачи взятки; 3) квалификация посягательства как приготовления к преступлению (и признание его в некоторых случаях непроступным в силу наказуемости не каждого приготовления). Последняя ошибка чаще всего встречается при оценке передачи взятки при так называемом мнимом посредничестве.

Между тем «ключ» к оценке всех этих ситуаций один – решение вопроса, как должны рассматриваться усилия, направленные на причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны, который в действительности по причинам, не зависящим от воли данного лица, не страдает и не может пострадать. Такую ситуацию в науке уголовного права

иногда именуется посягательством на негодный (нереальный, отсутствующий) объект [6, с. 152–153]. Общим правилом для оценки подобных фактов является квалификация деяния как покушения на преступление [8, с. 436–437]. А в качестве исключения могут быть названы случаи признания деяния малозначительным, если ошибка субъекта вызвана его крайним невежеством. Поэтому и дача взятки под влиянием мошеннических действий в подавляющем большинстве случаев должна быть оценена как покушение на преступление, предусмотренное ст. 291 УК РФ. Без серьезной мотивации, что такое деяние может быть признано малозначительным, отказ оценить его как преступление будет неправомерным.

Неверно также квалифицировать передачу ценностей мнимому посреднику как приготовление к даче взятки. Ведь объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ, искусственно «удлинена» законодателем путем указания на то, что получение (дача) взятки может быть осуществлено (осуществлена) как лично, так и через посредника.

Отдельного обсуждения заслуживает и оценка действий самого мнимого посредника во взяточничестве.

Казалось бы, в п. 21 Постановления № 6 Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» дан вполне конкретный ответ на вопрос о квалификации подобных действий. Их рекомендуется квалифицировать во всех случаях как мошенничество [3, с. 8]. Причем позиция Пленума Верховного Суда РФ нашла поддержку у некоторых ученых. Так, Б.В. Волженкин отмечал, что «мнимого посредника» вряд ли логично признавать лицом, содействовавшим совершению преступления, поскольку именно в результате его обмана преступление не состоялось [4, с. 218]. Соглашаясь с указанным автором в том, что действия мнимого посредника надлежит квалифицировать только как мошенничество, А.В. Грошев дополняет: «По тем же причинам “мнимое посредничество” нельзя признать и подстрекательством к даче взятки, поскольку умысел лжепосредника направлен

не на совместное совершение единого для всех соучастников умышленного преступления (дачу взятки), а на обман потерпевшего с целью завладения чужим имуществом» [5, с. 300].

На мой взгляд, подобная оценка вряд ли будет адекватной применительно к факту инициирования мошенником действий взяткодателя, квалифицируемых как покушение на дачу взятки. То, что сам посредник не намерен передать ее должностному лицу, не должно, думается, исключать его уголовную ответственность за ту роль, какую он выполнил в формировании умысла на дачу взятки и в действиях, направленных на осуществление этого умысла.

К тому же и позиция высших судебных инстанций не всегда была такой, какой она выглядит в упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» содержалась рекомендация по квалификации действий лжепосредника как подстрекательства к даче взятки [9].

Иначе рекомендовал оценивать действия такого посредника Пленум Верховного Суда СССР в своем Постановлении № 16 от 23 сентября 1977 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве». «Если лицо, – говорилось в п. 8 данного постановления, – получает от взяткодателя деньги либо иные ценности якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки и, не намереваясь это сделать, присваивает их, содеянное им, в зависимости от обстоятельств дела, следует квалифицировать как подстрекательство к даче взятки либо пособничество...» [1]. В постановлении № 3 Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» данная позиция была несколько уточнена. Здесь значится: «Если лицо получает от взяткодателя деньги или иные ценности якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки и, не намереваясь этого сделать, присваивает их, содеянное должно квалифицироваться как мошенничество. Когда же в целях завладения ценностями взяткодатель склоняется им для дачи взятки, то действия виновного, помимо мошенни-

чества, должны дополнительно квалифицироваться как подстрекательство к даче взятки. Действия взяткодателя в таких случаях надлежит квалифицировать как покушение на дачу взятки...» [2].

Последняя рекомендация относительно квалификации действий лжепосредника, иницирующего дачу взятки, представляется более близкой к истине.

Нужна, думается, лишь одна поправка. Речь должна идти о подстрекательстве не к даче взятки, а к покушению на это преступление. Мне представляются малоубедительными аргументы А.В. Грошева, не согласного с подобной квалификацией. Автор пишет: «Согласно ст. 30 УК РФ неоконченное преступление не доводится до конца по независящим от лица обстоятельствам. Соучастие в неоконченном преступлении также предполагает, что эти обстоятельства не зависят от воли всех соучастников, в том числе и подстрекателя. В данном случае причиной недоведения преступления до конца являются мошеннические действия «мнимого посредника», исключающие саму возможность совершения оконченного преступления взяткодателем...» [5, с. 300].

По моему мнению, решающее значение для признания деяния неоконченным преступлением (покушением) должна иметь его незавершенность, причиной которой являются обстоятельства, не зависящие прежде всего от воли исполнителя преступления. Волевые усилия других соучастников должны учитываться в той мере, в какой они повлияли на развитие данного преступления, на его начало, осуществление и окончание. У инициативного мнимого посредника было намерение сформировать путем обмана умысел взяткодателя на передачу предмета взятки через посредника, а не только завладеть ценностями. В случае осуществления данного намерения вполне логично говорить и о мошенничестве, и о подстрекательских действиях. Содержание ч. 4 ст. 33 УК РФ не является тому препятствием. Поскольку такой подстрекатель знает о том, что процессу дачи взятки не суждено завершиться, постольку следует говорить в этом случае о подстрекательстве к покушению на преступление.

Отмечу также, что в действующем УК РФ не учтено сложное положение субъекта, который пытался дать взятку под влиянием обмана, имея целью предотвратить причинение вреда своим правам или законным интересам, либо восстановить нарушенные права и интересы. По уровню общественной опасности действия таких лиц сравнимы с действиями взяткодателя, вызванными вымогательством. Но если в отношении последнего может быть применено освобождение от уголовной ответственности, то в отношении первого такое освобождение не соответствовало бы примечанию к ст. 291 УК РФ, ведь факта вымогательства в действительности не было. Логично было бы, однако, вопрос об объеме ответственности взяткодателя решать идентично для обеих указанных ситуаций. Но сделать это можно лишь путем соответствующего дополнения УК РФ (подробнее об этом см.: [7, с. 14–15]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1977. – № 6. – С. 5–12.
2. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1990. – № 3. – С. 9–13.
3. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2000. – № 4. – С. 5–9.
4. Волженкин, Б. В. Служебные преступления / Б. В. Волженкин. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005.
5. Грошев, А. В. Ответственность за взяточничество (вопросы теории и практики) : монография / А. В. Грошев. – Краснодар : Куб ГАУ, 2008. – 332 с.
6. Дурманов, Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н. Д. Дурманов. – М. : Госюриздат, 1955.
7. Лобанова, Л. В. Вымогательство взятки или коммерческого подкупа как основание освобождения от уголовной ответственности: проблемы законодательной регламентации и правоприменения / Л. В. Лобанова, Р. Г. Камнев // Российская юстиция. – 2010. – № 3. – С. 10–17.
8. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. Т. 1. Общая часть / А. В. Наумов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 736 с.
9. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1977 / под ред. Е. А. Смоленцева. – Ч. 2. – М. : Известия советов народных депутатов СССР, 1978.

**PROBLEMS OF A CRIMINALLY-LEGAL ESTIMATION
OF BRIBERY UNDER THE INFLUENCE OF ERROR**

L. V. Lobanova

The article considers debatable questions of qualifying cases of the bribery connected with erroneous representation of persons, transferring a bribe subject, about some essential circumstances of commission of crime. The author undertakes an attempt to fit the general key to solving the variety of problems stated and gives recommendations on application of the criminal law in certain intricate cases.

Key words: *bribery; bribe; the maintenance of intention of the briber; error of the briber; imaginary intermediary in bribery.*